

Новости культуры

Вет. Москва - 1988. 15 Окт

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ЕЛЕНА Александровна Кузьмина. Какой она была?.. Талантливая актриса, красивая женщина. И все-таки прежде всего она была исключительно честным человеком. Пройдя по жизни вместе с Михаилом Роммом, женой и другом которого она была, Елена Александровна помогала ему преодолеть все жизненные трудности, а порой и творческие неудачи.

Никогда так не было и никогда не может случиться, чтобы человек, живший бесчестно, вдруг, перешагнув какой-то временной порог, какую-то возрастную грань, становится искренним, открытым. И это еще раз доказывают две книги Елены Алек-

сандровны «О том, что помню», вышедшие еще при жизни актрисы. Уже тогда, как у нас сейчас модно говорить, во «времена застоя», сев за письменный стол с ручкой в руке, автор хотела сказать о своей жизни, о жизни своей страны, о жизни близких и дорогих ей людей, вооружившись самым сильным оружием — правдой.

Сегодня мы предлагаем нашим читателям одну из новелл народной артистки РСФСР Е. Кузьминой из новой ее, третьей книги цикла «О том, что помню», готовящейся к выходу в издательстве «Искусство».

А. НАСОНОВ.

НЕМНОГО ДЕТЕКТИВА

В то лето, о котором я рассказываю, Ромм работал над режиссерским сценарием «Ленин в Октябре». Дирекция студии и председатель комитета с заместителями дали тысячу поправок. Еще бы!.. Из Кремля Сталин дал свое «добро» на постановку этого фильма о Ленине и иногда интересовался, как идут дела.

Ромм попросил дирекцию, чтоб ему дали какую-нибудь комнату или номер в гостинице, где можно было бы целиком отдаться работе.

Дирекция, вероятно, еще не очень хорошо понимала всю важность работы над этим фильмом, а потому денег пожалела. Заместитель директора по хозяйственной части, некто Даревский, вообще был прижимист, а потому Ромму сняли комнату за дешево, в частном доме.

Комната оказалась очень хорошей, чистой, уютной, да еще с милой, заботливой хозяйкой.

Забрав свой сценарий с пометками вышестоящих товарищей, пишущую машинку, секретные материалы, переложенные носками, платками и рубашками, Ромм отправился на новую квартиру и занялся работой.

В этот вечер очень поздно к нему в дверь постучала хозяйка квартиры и предложила ему подняться этажом выше, выпить чашечку настоящего черного кофе, что в те времена было редкостью.

Наверху жила Рита Пензо, жена нашего оператора, в те времена очень известного. Правда, о нем ходили слухи, что он арестован как враг народа, но никто на это не обращал внимания.

Выпив две большие чашки бодрящего напитка, Ромм извинился за свою невежливость и побежал к себе. Хозяйка осталась у подруги еще на часок.

Когда Ромм спуускался вниз, он обратил внимание на большое количество людей в военной форме на обычно пустой лестнице. Что-то неприятное сжало его сердце, но, сев за работу, он сразу обо всем забыл.

Через какое-то время пришла хозяйка. Пожелала Ромму спокойной ночи, удалилась к себе.

Прошло еще какое-то время. В дверь довольно резко позвонили. Ромм, продолжая печатать, слышал, как хозяйка пошла открывать. Раздались мужские голоса. Но мало ли кто мог прийти к хозяйке! Ромм продолжал работать.

Он вздрогнул от удара ногой в дверь. Створки разлетелись. На пороге стояли два человека в военной форме.

— Встать...
Ромм спросил:
— Это мне, что ли?
— Да, да, тебе... — Ромм встал.

Два старших чина подошли к машинке. Странные для непосвященного человека записи лежали

на столе:

Б. З. — Деньги Сталину убрать.

Е. С. — Срок восстания определеннее.

Б. З. — Шарф не нужен. Похоже на повешение.

Ю. Д. — Чересчур много криков и стрельбы...

И все в таком духе. Это были поправки, данные сценарию на совещании в комитете. Поправок было очень много, и звучали они в отрыве от сценария довольно зловеще.

Чины, прочтя такое, взревели:

— Где копирка?
— А я работаю без копирки...

— Врешь, сволочь...
Стать лицом к стене... Руки вверх...

— Я не могу стоять с поднятыми руками, — сказал Ромм людям, обыскивающим его.

— Молчать... Встань к стене... Тебе говорят, руки вверх...

Ромм встал, как было велено. Но была у него одна особенность. Он не мог, чисто физически, даже двух минут простоять с поднятыми руками. Они у него сами непроизвольно опускались. Увидев, что Ромм не подчиняется, рядом с ним поставили солдата, и, как только руки у Ромма опустились вниз, солдат стучал рукояткой пистолета его по спине.

Борясь со своими руками, Ромм слышал, как по телефону вызывают «то-

варища начальника».

Всю свою жизнь Ромм не любил вспоминать об этом. Только однажды он мне рассказал, что считал себя арестованным. Вместо того, чтобы думать именно об этом, в голову почему-то лезло детство. Вспоминался отец.

Вскоре появился не то майор, не то капитан. Он сразу кинулся к записям и документам Ромма, лежащим на столе.

— Ромм! Какого черта вы делаете в этой квартире?

— Пишу сценарий...
— Но почему именно здесь? У вас же секретные документы!

— Ну и что? Я их запираю в чемодан.

— Уходите отсюда...
Чтоб я вас больше не видел...

— С удовольствием...

Ромм опустил затекшие руки и взялся за бумаги. Его резко окрикнули. Вещей нельзя было брать из этой квартиры.

— Но мне нужен сценарий... Мне нужна машинка... Я без них как без рук...

— Разговорчики!.. Вещи получите завтра на Дзержинской...

— Но я должен взять сценарий. У меня здесь все пометки переделок... Я уже не успею к сроку...

— Я сказал, уходите... Быстро...

Ромм решил больше не дразнить судьбу и не спорить с раздражительным капитаном, быстро направился к выходу.

В соседней комнате сидела хозяйка с мертвым лицом, а какие-то люди рылись в раскиданных вещах. У Ромма мелькнула мысль: «Как в кино! Только немного чересчур...». Главное, он не знал, надо ли попрощаться с хозяйкой. Но женщина не смотрела в его сторону, и Ромм вышел на улицу.

Была глубокая ночь. Куда деваться?! Идти домой — невозможно. От одной мысли кидало в дрожь. Да еще в таком состоянии! Пошел к Сливкиным. Сливкин открыл сразу, как будто и не ложился спать. В глазах у него метался страх.

В те времена ночной звонок в дверь мог означать многое. Но у Ромма было такое выражение лица, что Сливкин забеспокоился:

— Что с вами? Откуда вы в такое время? Где Леля? Что-нибудь случилось?

Мария Павловна в ночной сорочке сидела, забившись в угол кресла. Ромм рассказал все, что с ним произошло. Сливкин, глотая целые слюги, стал кричать на Ромма:

— Какой дурак послал вас в эту квартиру? Это адрес арестованного... А нынче он враг народа... Почему вы мне ничего не сказали?.. Кто вас туда поселил? В этом надо разобрататься...

Уж не знаю, как они там разбирались, но Ромм остался у Сливкиных. В эту ночь он рабо-

тать уже не мог. Да и сценария не было.

Утром Ромм, несмотря на уговоры Сливкиных, отправился на Дзержинскую. Его там никто не принял. Никто ничего не знал. Какой сценарий? Какая машинка?

А время сдачи сценария приближалось с каждым часом. У Сливкиных Ромму отвели светлый уголок в одной из комнат, и он начал по памяти восстанавливать то, что у него изъятия. Многого он не помнил.

Но, как говорят, нет худ без добра — Ромм написал заново несколько великолепных сцен.

Работал он, не отрываясь от стола. Даже обедал тут же. Дни и ночи, почти не выходя из комнаты.

Однажды поздно вечером, когда Сливкины уже спали, раздался звонок в дверь. Ромм пошел открывать.

И надо же такому случиться! Вошли те же самые люди, вернее, та же «бригада», с которой Ромм встретился той ночью... Увидев Ромма, они сперва остолбенели от изумления, потом наорали на него:

— Как?! Ты и тут?! Ну, знаешь!..

— А мне некуда деваться... Дома клопы...

— Доиграешься со своими клопами! Будешь понятием...

Утром Ромм приехал ко мне на дачу. Я еще издали увидела идущего Ромма с белой маской на лице, до того он был бледен. Я кинулась к нему:

— Что с тобой?

— Сливкина арестовали...

А жила я с Наташкой именно на даче Сливкиных. Весь день и всю ночь мы просидели с Роммом и проговорили. Ромм удивлялся, почему к нему отнеслись так либерально, найдя его в двух квартирах «врагов народа». Единственное нашли объяснение. Ромм, а вернее, не Ромм, а картина была под охраной сталинского имени. И никто не посмел тронуть режиссера.

(Окончание следует).